

«Кто

отравил Моцарта?»

Таинственные обстоятельства смерти великого австрийского композитора Вольфганга Амадея Моцарта и сегодня, по прошествии почти двух столетий, побуждают исследователей возвращаться к документам, вести поиск в надежде добраться до истины. Одну из версий рассматривает в публикуемой статье известный западногерманский драматург и публицист.

Рольф ХОХХУТ

«ЦАЙТ», ГАМБУРГ.

В ДЕКАБРЕ 1970 года на аукционе «Штаргардт» в Марбурге (ФРГ) было продано за 28 тысяч марок письмо, составленное рукой Моцарта 2 апреля 1789 года и адресованное члену масонской ложи, юристу Францу Хофдемелю. В нем содержалась просьба о денежной ссуде в размере 100 гульденов для поездки в Берлин. Просьба была удовлетворена. Кто же такой Хофдемель? Почему он покончил с собой 6 декабря 1791 года, то есть на следующий день после смерти Моцарта? И почему об этом самоубийстве не сообщается даже в весьма полной биографии Моцарта, написанной Вольфгангом Хильдесхаймером?

Возможно, мысль Ф. Грильпарцера (австрийский драматург прошлого века. — Ред.) о том, что нельзя понять великих, не изучив темных личностей с ними рядом, восходит именно к трагедии Хофдемеля. Его история произвела сенсацию, которая шокировала даже кайзеровский дом и становилась предметом обсуждения в среде венской интеллигенции всякий раз, когда речь заходила о смерти Моцарта. В 1841 году по инициативе князя Пюкклера-Мускау убийственная (в прямом смысле слова) семейная драма Хофдемелей нашла свое отражение в новелле Леопольда Шефера «Моцарт и его подруга». На эту полузабытую новеллу опирался в 1932 году писатель Вольфганг Гётц, работая над рассказом «Франц Хофдемель».

И вот теперь супругам Хофдемеля посвящено специальное исследование, написанное, что характерно, британцем. Родоначалники детективного жанра, англичане любят копаться в биографических данных, проникая вплоть до интимной сферы, поскольку считают, что в ней-то у каждого можно найти что-нибудь — начиная от милых и не таких уж милых человеческих слабостей и кончая преступлением.

Прежде чем издать свою книгу Карр устроил нечто вроде спектакля, инсценировав «дело», о котором она рассказывает. Зрители должны были выступить в роли «присяжных»: им предлагалось проанализировать новые и старые факты и слухи, касающиеся смерти Моцарта, особенно версию об отравлении. Результаты обсуждения: большинство «присяжных» пришли к выводу, что имело место убийство; 60 из них назвали убийцей Хофдемеля, 39 — ученика Моцарта Зюсмайра, 28 — Сальери. Решение «жюри» в значительной мере основывалось на выводах Фрэнсиса Карра...

Книга, события которой достоверно подкреплены документами, имела успех «боевика». Ф. Карр впервые после того, как это сделал в середине прошлого века Отто Ян, но намного основательнее рассказывает о «взбодоражившей всю Вену» драме, происшедшей 6 декабря 1791 года в доме Хофдемеля. Когда его жена, пианистка Магдалена Хофдемель, известная как «любимая ученица» Моцарта, которой он посвятил свой «самый интимный» фортепьянный концерт, возвратилась домой из собора св. Стефана, где состоялась панихида по умершему днем раньше Моцарту, муж бросился на нее с бритвой в руке с намерением убить ее. Она была на пятом месяце... Ее крик и крик годовалого ребенка спасли ей жизнь. Во всяком случае, крики привлекли внимание соседей. Открыть дверь им никак не удалось. Наконец, ее просто сняли с петель. 36-летнего хозяина дома об-

наружили, лишь взломав вторую дверь: Хофдемель лежал на своей кровати с перерезанным горлом, все еще сжимая в руке бритву — он покончил с собой после того, как ему не удалось убить жену. Магдалену нашли в бессознательном состоянии, с многочисленными кровотоками на шее, лице, груди, руках. Ее спасли усилия двух врачей, но она осталась обезображенной.

Карр приходит к такому выводу: вместо того чтобы испытать облегчение от смерти любовника своей жены, Хофдемель пытается убить ее. Он боится, что Магдалена заявит, что это он отравил Моцарта ядом Aqua Tofana. Яд этот, проявлявший свое действие лишь спустя месяцы после попадания

в организм, считался в XVIII веке не обнаружимым. Он представлял собой «не привлекавшую внимания смесь из бледно-серого мышьяка, серебристой сурьмы и окиси свинца» — так описывает этот яд Клаус Умбах, цитируя врачей Дитера Кернера из Майнца и Алойза Грайтера из Дюссельдорфа (последний также является биографом Моцарта), которые в 1956 и 1962 годах дали новое обоснование версии об отравлении, но еще не связывали ее с личностью Хофдемеля.

В доме № 10 по Грюнангергассе, первый этаж которого занимала состоятельная чета Хофдемелей, Моцарт был частым гостем. Здесь он музицировал и, несомненно, обедал. Но главной целью посещений были занятия музыкой с Магдаленой — он имел обыкновение давать уроки своим очень немногочисленным ученицам на дому. Рассказывают, что Моцарт никогда не брал девушку в ученицы, если не был в нее влюблен. Хофдемель, несомненно, часто оставлял свою 23-летнюю супругу, знаменитую на весь город красавицу, с Моцартом наедине.

Одна из газет от 21 декабря 1791 года писала, что сама ее величество императрица взяла под свое покровительство вдову самоубийцы, которая теперь направлялась к отцу в Брюнн, чтобы произвести на свет второго ребенка. По-видимому, Магдалена покинула Вену, спасаясь от назойливых репортеров, ведь даже император был разгневан происшедшей трагедией. Монарх явно был убежден, что виновны Магдалена и Моцарт, а не Хофдемель, иначе вдове ни за что не удалось бы добиться разрешения похоронить самоубийцу как «нормального» усопшего и получить для него могилу (в соответствии с существовавшим тогда порядком палач бросал в известную яму труп самоубийцы, зашитый в коровью шкуру).

Учитывая состоятельность Магдалены, ее творческую натуру и красоту, трудно представить себе, чтобы она хоть однажды не позировала художнику, как это было принято в те времена. Поскольку ни одного ее портрета обнаружить все же не удалось, Карр полагает, что они (или он) были впоследствии уничтожены, подобно тому как Ниссен, за которого вышла замуж вдова Моцарта, Констанца, даже не упоминает Хофдемеля в своем жизнеописании Моцарта...

Разумеется, свои выводы о том, что Моцарт был отравлен, Карр основывает не только на трагическом происшествии в доме на Грюнангергассе. В подтверждение своему — весьма убедительному — детективу он приводит факты, от которых нельзя отмахнуться, как от болтовни и слухов, и которые являются как минимум косвенными доказательствами. Действительно, очень многозначительным кажется возможное лишь по предвари-

тельному сговору упорное молчание такого множества людей относительно фактов, которые в общем-то обычно бывает невозможно скрыть. Смерть Моцарта, еще такого молодого человека, самого знаменитого композитора в стране, да и во всей Европе, чья «Волшебная флейта» только что шла в Вене с неизменным аншлагом... Почему эту смерть скрыли, словно позор, вместо того чтобы обставить торжественно, как кончину великого мастера или вельможи? Ведь обычно, как говорилось, «венцы умеют хорошо с помпой».

Еще два бесспорно достоверных высказывания заслуживают самого пристального внимания: во-первых, Моцарт дважды сказал Констанце о том, что скоро умрет, потому что ему дали яд. Констанца, до самой своей смерти (6 марта 1842 года) не проронившая ни слова по поводу смерти и похорон мужа (как и оба знаменитых врача, приходивших лечить его), тем не менее передала эти слова Моцарта своему второму мужу датчанину Ниссену, составившему биографию великого композитора. Эти же сведения она сообщила в 1829 году двум англичанам — музыкальному издателю и его жене, — которые пробыли у нее три дня, не узнав ничего другого, хотя целью их поездки в Зальцбург и Вену было написание книги о Моцарте.

Во-вторых, Констанца призналась, что супруг ей был неверен. Не исключено, что она рассказала об этом с целью самооправдания, поскольку сама месяцами жила в Бадене с учеником и другом Моцарта Зюсмайром, который, как полагают, и был отцом ее второго сына. Учитывая, что Констанца впоследствии затушевала в письмах имя Зюсмайра и поначалу отказывалась выполнить последнее желание Моцарта (в соответствии с которым Зюсмайр должен был закончить его «Реквием»), Карр предполагает, что Зюсмайр обещал жениться на Констанце, но после смерти Моцарта был таков. Зюсмайр, присутствовавший при кончине Моцарта, также хранил полное молчание о причинах его смерти.

Не дает ли это оснований предположить, что Моцарт, умирая, повторил то, о чем сказал жене летом в Пратере: ему дали яд. Уже 31 декабря 1791 года «Берлинский музыкальный еженедельник» писал: «Поскольку после смерти тело его вздулось, полагают даже, что он был отравлен»... Что если и врачи, бывшие у его смертного одра, видели это и договорились молчать, что и соблюдалось всеми неукоснительно? Ведь обычно болезнь столь знаменитого человека, приведшая к его смерти, не обходится молчанием. На следующий день Хофдемель попытался убить Магдалену. Так не хотели ли посвященные предотвратить слухи, которые увязали бы эту кровавую резню с именем Моцарта?

Карр доказывает: венцам сообщили о смерти Моцарта только после того, как его тело уже было зарыто в общей могиле. Почему?